

**Истерия -
психопатология, психопатогенез и динамика**
Попытка реабилитации концепции на основании экзистенциальной
динамики и психодинамики

Альфريد Лэнгле доктор медицины и философии, президент Международного общества экзистенциального анализа и логотерапии (GLE-International), профессор университетов Вены и Инсбрука.

Феноменологический анализ истерических расстройств выявляет постоянную присущую им структуру, которая в аспекте динамики центрируется вокруг модуса переработки, а в аспекте содержания – вокруг страдания в связи с невозможностью нахождения себя или утратой доступа к идентичности, коренящейся в Собственном. Поэтому для психотерапевтической работы имеет смысл использовать целостную концепцию истерии. Целостная структура формируется вокруг сильного чувства боли, которое возникает из-за состояния самоотчуждения или из-за Не-Мочь-самого-себя-видеть. Так как боль не может быть обработана и интегрирована, её аффективное свойство анестезируется, что и проявляется как основная динамика возникновения истерического расстройства. Вытесненная боль вызывает специфическую сенсификацию в отношении стеснённости, насилия и покинутости, что способствует возникновению защитных реакций, относящихся к типу установления дистанции. Это достигается через поверхностность, бесчувственность и избегание внутренней жизни (внутренняя пустота). Такое психодинамическое развитие происходит параллельно с недостаточным персональным и экзистенциальным раскрытием. Оба структурных момента взаимно обуславливают друг друга. На этом фоне становятся понятными и доступными симптомы истерического переживания и поведения при соотнесении с более широким (экзистенциальным) горизонтом Бытия собой и Бытия-в-Мире.

Ключевые слова: истерия, диагноз, психопатология, психодинамика, экзистенциальная динамика.

1. Проблематика, понимание и диагноз истерии

Принятые сегодня методы исследования привели к отказу от единой концепции «Истерия» (подобно «расстройству страха» или «депрессии»), что,

в свою очередь, привело к отказу от диагноза «истерический невроз» (МКБ 9). Наряду с существующим, как и прежде, понятием гистрионного личностного расстройства (F60.4), в МКБ 10 для определения истерии, главным образом, используется обобщающее понятие диссоциативного расстройства (конверсионные расстройства – F44) с целым рядом самостоятельных функциональных диагнозов (таких как амнезия, фуга, двигательные расстройства, расстройства чувствительности), а также - «прочее невротическое расстройство» (F48,1), как синдром деперсонализации или дереализации.

Интересно, что в МКБ 10 больше не проводится дифференциация между диссоциацией и конверсией. Это может быть оправдано лежащей в их основе идентичной динамикой, которой в обоих случаях является диссоциация. В чисто дескриптивно-симптоматологическом аспекте эта общность не бросается в глаза, ведь обе формы проявления касаются различных субстратов – сознания и памяти в случае диссоциации, тела - в случае конверсии. Также при этих формах развиваются совершенно противоположные динамики: одна из них - скорее, пассивная динамика сумеречного состояния и амнезий¹ (при диссоциации), другая – скорее, продуктивная (при конверсии). Создаётся впечатление, что такое разделение не является необходимым также и для психотерапевтической работы.

Отказ от единого понятия истерии Ментос [15] обосновывает тем, что истерический невроз не может рассматриваться как единство симптомов. Это, конечно, так. И всё же, следует принять во внимание, что любая фиксация на какой-либо одной симптоматике противоречит именно тому, что следует рассматривать как признак проявлений истерической картины: её переменчивость, гибкость и социальную адаптивность. Формирование константной, единой картины симптомов в случае истерии принципиально не может быть выявлено на уровне «симптоматики Checklist». Здесь понятие истерии, с одной стороны, становится жертвой системного ригоризма «единство симптоматики», а, с другой стороны, является началом слишком поверхностного способа рассмотрения – а именно, исключительно дескриптивного, - в связи с чем непрерывное симптоматическое единство, то есть подобная хамелеону переменчивость истерических симптомов, ускользает от внимания диагностики. Это умение уходить от себя в картине проявления, является тем феноменом, который, в общем, сразу бросается в глаза в контрпереносе в ходе терапевтического процесса². Это похоже на

¹ Диссоциативная фуга могла бы из-за своей целенаправленной, упорядоченной перемены мест «прочь из дома» при полной амнезии противоречить этому. И всё же здесь доминирует амнезия, под защитой которой прокладывает себе дорогу экстровертированная потребность.

² То, что при истерии в ходе статистических исследований не удаётся получить «что-либо «ясное» или «целостное», констатировал ещё Kretschmer в 1944 г.: «Диспозиция к истерическому реагированию широко распространена и коренится, в конечном итоге, в общечеловеческом механизме инстинктов. Её возникновение в равной степени зависит как от внешних раздражителей и жизненных ситуаций, так и от внутренней предрасположенности. Поэтому, если мы объединим всех истерически реагирующих в большую статистическую серию и попытаемся вывести из них тип истеричного человека, истерический характер, то из этого никогда не получится что-либо «ясное» или «целостное».» (цитируется по Benesch Н, 1981, 309)

рефлексию метода исследования. Для того чтобы ближе подойти к центральной теме страдания человека, которое проявляется в истерии, вместо дескриптивного способа действия необходим феноменологический подход. Он не задерживается на уровне способа проявления, а направляет взгляд на лежащую в основе структуру. На уровне структуры могут быть описаны как процессы (способы переработки), так и содержания (темы). Чтобы охватить истерию, следует ссылаться на них.

Ментос [15] справедливо заметил, что истерическому поведению, несмотря на различия в картине симптоматики, предшествует единый процесс переработки. Истерия представляет собой, таким образом, единую форму разрешения и переработки конфликта. С феноменологической точки зрения целью процесса психодинамической переработки является уход на дистанцию, достижение которой может иметь самые различные формы, вплоть до диссоциации (дистанции без сохранения отношений). Так как в психотерапии мы преимущественно соотносимся с психодинамическими структурами переработки, единая концепция истерии была бы полезна для практики, и диагноз стоило бы сохранить.

Помимо единой модальности переработки, во всех формах истерических расстройств также обнаруживается единая экзистенциальная тема. С точки зрения феноменологии истерия представляет собой расстройство в аспекте нахождения себя, которое выражается в трудности при обнаружении и проведении границ (отграничение, соблюдение границ т.д.) и, тем самым, нарушается соотношение «Я-Другие» и «Аутентичность—Чужое» в собственной самости.

С этой точки зрения отказ от концепции «Истерия» представляется настоящей утратой. Специфическое истерическое страдание становится жертвой собственной патологии в виде ухода от себя. Тем самым, в диагностике может произойти то же, что и в психопатологии: существенное в истерическом страдании не будет увидено (останется «неуслышанным») из-за мобилизации контрпереноса. Таким образом, можно было бы говорить о методическом контрпереносе на уровне диагноза.

Ещё один вопрос, который мог бы внести вклад в проблематику диагноза истерии - это вопрос о разграничении «невротического» расстройства и расстройства личности. Основываясь на практическом опыте, можно допустить плавный переход (см., например, [18]), представляющий собой различную степень тяжести единой картины нарушения, хотя за этим может стоять разная этиология (например, наследственная составляющая при личностном расстройстве). Наряду с единой экзистенциальной тематикой, к такому выводу можно было бы прийти также основываясь на предположении, что расщепление действительно является единым базовым процессом диссоциации и конверсии [13]. Расщепление, в общем, рассматривается как характерное для модуса переработки на личностном уровне (особенно выражено в случае пограничного личностного расстройства из группы расстройств самости). В соответствии с нашей теорией расщепление всё же

представляет собой базовый феномен проведения границ – центральную тему 3-ей Фундаментальной Мотивации [1,10,12], который на уровне психодинамики при стеснении и нагруженности проявляется в виде копинговой реакции.

Впрочем, против такого взгляда выступают другие известные концепции. Распространённая психоаналитическая точка зрения, которую, например, представляет Ментос [16], различает попытку решения в невротическом аспекте и в аспекте личностного расстройства. В соответствии с ней, невротизация представляет собой конфликтную форму переработки проблемы или травмы, в то время как в личностном расстройстве редукция напряжения возникает через внутреннее избегание конфликта, благодаря чему возникают феномены расщепления: противоречивые содержания переживания отделяются друг от друга таким образом, что они не соприкасаются.

Несомненно, чтобы достичь ясности нужны дальнейшие исследования, направленные на понимание форм переработки в истерических группах симптомов. Именно психотерапевтический подход, наряду с психиатрически-дескриптивным, ориентирующимся на схему классификации (без соотнесения с психодинамикой), должен быть сохранён, как самостоятельная форма исследования. Потому что именно на динамическом уровне и благодаря феноменологическому пониманию могут быть описаны взаимосвязи, не находящиеся отражения в статистике.

2. Истерические черты в здоровом

В качестве первого шага для практической работы может быть полезно описать некоторые характерные черты и тенденции истерического, которые ещё не следует оценивать как патологические. Правда, под воздействием нагрузки на основании этих личностных черт скорее возникнут истерические симптомы, чем на основании других личностных структур. Такими «нормальными», близкими к истерии личностными чертами, к примеру, являются:

1. *Соотнесение с собой во внимании*: если для человека речь идёт в первую очередь о нём самом, и он постоянно направляет внимание на себя.

2. *Экстраверсия*: истерическая предрасположенность связана с хорошей способностью к контактам, направлена вовне, такой человек не любит быть один;

3. *Динамика*: постоянно преобладает динамика, переходящая в беспокойство и нестабильность; постоянно находится в движении, много активности и предприимчивости;

4. *Организаторские способности*: умение что-то создавать, что-то формальное, особенно для других; старательный, быстрый в суждениях и в схватывании ситуации, однако, остаётся во Внутреннем, скорее кажется «милым», чем включённым;

5. *Спонтанность*: стиль жизни характеризуется импульсивностью, способностью восторгаться, разнообразием, это заразительно для других, а потому многих захватывает, оживляет и воодушевляет;

6. *Человек момента*: живёт в Здесь и Сейчас; игриво-беспечен; высокая степень присутствия за счёт непрерывности участия в разных делах; непостоянен и капризен;

7. *Быстрота*: быстро реагирует в Отграничиваться и в Идти вместе (быть воодушевлённым); поэтому так же быстро становится нетерпеливым, настойчивым; он -дерзкий, бойкий, легко приспосабливающийся, но по-настоящему не приспособившийся;

8. *Преувеличения*: потребность иметь воздействие вовне и относительная плоскость эмоций внутри ведут к преувеличениям; сильное стремление к свободе; «нарушитель границ» в поведении и в речи: переходит границы (время, отношения, компетенция); легкомысленный, тем самым, вводит в затруднение и себя и других;

9. *«Обладание чутьём»*: имеет большой талант в интуитивном схватывании, интуитивно чувствует тенденции и тренды, может хорошо интуитивно вчувствоваться в ситуацию и в происходящее, но не так хорошо сочувствовать (означает слишком много близости); чувствительный, особенно в отношении того, что касается его самого.

Такие личности трудно ухватить и до них трудно добраться. Они ускользают, но сразу же снова оказываются здесь, сильны в своей гибкости, скорости и силе. Они менее терпеливы, чем выносливы, больше оживляют, чем греют.

В этих первых кратких набросках уже всплывает *экзистенциальное содержание истерии* - борьба человека за свою идентичность, Бытие собой в сообществе, поиск Собственного в отграничении от других. В истерическом поведении, а ещё больше в истерическом страдании, речь идёт о том, чтобы искать, сохранить и утвердить Собственное. Это борьба, заключающаяся в преодолении ограниченности и стеснённости человеческой экзистенции, которая в случае истерического расстройств переживается как болезненная, и, типичным образом, как «ужасная».

Экзистенциальная тематика отражается в проблемах в связи с самоценностью и Я, в обхождении с критикой, в страхе перед утратой признания, в быстром Дистанцироваться и Отказаться, в своенравии, в упрёках, в занятости внешним, формальным, идеальным, в одиночестве и в робости перед болью.

3. Симптоматология истерической группы невротиков

В диагностике МКБ 9 *истерический невроз* описывается как «сужение поля сознания или моторные, или же сенсорные функциональные расстройства». Для «невроза могут быть характерны симптомы конверсии или

истерические сумеречные состояния. В конверсионно-невротической форме основными или единственными симптомами являются симптомы психогенных функциональных телесных расстройств, например, паралич, тремор, слепота, глухота или припадки. При сумеречных состояниях самая выдающаяся черта - это сужение поля сознания, которая, вероятно, служит бессознательной цели...» [2].

Невротическое выражение истерии заключается, таким образом, либо в формировании *симптомов конверсии*, что означает психогенные расстройства в теле (в области моторики и сенсорики), либо в *расстройстве сознания*, что ведёт к таким *диссоциативным реакциям*, как амнезии, состояния транса, ступора или фуги.

Venesch (там же, стр.306-309) перечисляет следующие синдромы, которые чаще всего упоминаются в связи с истерическим неврозом:

1. *Сенсорные* расстройства.
2. Расстройства *моторики*, такие как расстройство побуждения, астазия-абазия, афония, гипермоторика конечностей, гипервентиляционная тетания.
3. *Конверсии*, такие как тики, судороги, паралич, расстройства внутренних органов.
4. *Трофические* расстройства: образование сыпи на коже, экзема, бородавки, истерические кровотечения, подъём температуры, крапивная лихорадка и т.д.
5. *Истерический припадок*: раньше истерический невроз часто проявлялся как «большой припадок».
6. *Эмоциональная лабильность* и внушаемость.
7. *Стремление быть в центре внимания* и театральность: изображать себя не таким, какой ты есть на самом деле. Потребность постоянно быть в центре внимания, которая часто сопровождается театральностью, экзальтированностью, манерностью, ажитацией, склонностью к преувеличениям (всё имеет вес и характер значимости).
8. *Утрата памяти*: отрицание, вытеснение, может быть также связано с тенденцией к бегству или перемене мест («фуга»).
9. «Великолепное безразличие» («*belle indifférence*» по Фрейд): формальное и вежливое неучастие при дружеском обращении, которое сначала выглядит как особое умение в установлении контакта, за которым, однако, в известной степени, «ничего не следует».
10. *Специфический страх*: страх перед необходимостью, перед болью и перед неприятным, перед «принуждением», то есть, перед вынужденным положением и стеснённостью.
11. *Характерологические данные*: тенденциозный, ненастоящий, деланный, назойливый, провоцирует у окружающих людей нетерпеливые и обесценивающие реакции, (Binswanger, 1949 – цитируется по Venesch [2]). Конкретно называются также следующие черты: тщеславие, притворство,

поверхностность, беззаботность, «дисфемии» (клевета), интриги, ложные подозрения, злые сплетни.

12. Недостаточное *понимание* своего состояния, но, в то же время, следование любым побуждениям. Любое побуждение к чему-либо они находят «интересным». «Они сделают точку зрения аналитика своей собственной, и разовьют кажущееся понимание и видение. Но вскоре мы всё-таки будем вынуждены признать, что внешнее обманчиво». (Sievers, 1971 – цитируется по Benesch [2]).

4. Истерические формы переработки

При попытке выработать *модальности*, которые задействуются в истерической картине, как минимум, обнаруживаются следующие средства:

1. Чередование «слишком мало со слишком много», например, в области аффектов, отношений, в собственных ощущениях и поведении;

2. *Диссоциативная ось*: в суждениях деление на противоположные категории («чёрное и белое», или - или, идеализация или обесценивание); при этом человек утрачивает свою собственную середину, которую – отщеплённую у себя и в отсутствие доступа к ней – он ищет в другом (согласно девизу: «моя середина - это ты»);

3. *Функционирование*: для истеричного человека всё становится «средством для достижения цели». Он тот, кто использует, – по сути, он злоупотребляет и эксплуатирует другого, в отношении которого заявляет свои претензии, как если бы это было его собственное Я. Действительно другой исполняет для него обязанности в качестве Замены-Я. Так как у него отсутствует чувство себя, ему нужен другой, который возьмёт на себя чувствование, и будет его отражением. Отношения приобретают функциональный характер, становятся (возможно, после соблазняющего приглашения) паразитически-стесняющими;

4. *Поверхностный подход*: истеричный человек придаёт значение внешнему, формальному, форме, явлению, воздействию, для чего хороши любые средства. Чувства отодвигаются во внешнее, на уровень аффектов и активностей (театральность, драматизм, сексуализация, непосредственная приятность). Он испытывает робость перед близостью, искренностью, истинным чувством и привязанностью;

5. *Хорошее чутьё*: имеется высокая чувствительность в отношении того, на что есть спрос, что нравится или что нужно другим, что является трендом. При этом он обладает большим умением примкнуть к этому тренду, пойти на него, что является оппортунизмом. Эта *ловкость* даёт им близость и доступ к другому. Поэтому картина истерии очень *переменчива*, словно вирус гриппа, который каждый год имеет новый, до сих пор неизвестный генетический вариант.

Связующие линии истерической картины

Если мы попытаемся посмотреть на это страдание феноменологически, то становятся видимыми *линии истерической картины*, которые выделяются на фоне разнообразия отдельных симптомов.

В качестве главного общего и бросающегося в глаза феномена выделяется поиск *свободы* и её достижение. Кажется, что стремление к свободе доминирует над всем: освободиться от всех оков, границ, привязанностей, стеснений, болей, трудностей, проблем, нагрузок, усилий, благодаря чему возникнет невероятная лёгкость, ловкость, умение, беззаботность, наивность, приспособляемость, разнообразие, что-то неземное. В поиске собственного Я, своего Бытия Person (Персона - центр духовного измерения, «свободное в человеке») истеричные люди идут по верному пути к Бытию свободным, что действительно является существенным признаком Person. И всё же, Person никогда не может найти себя только через «Быть свободным от», не вступая ответственно в отношения с выбранной ценностью (объектом).

Можно было бы следующим образом описать мотивацию истерического стремления к свободе: *чем меньше знаешь, что хочешь, тем больше стремишься к свободе* – в надежде прийти к собственному Хотеть.

Необузданное стремление к свободе имеет различные последствия и может вновь быть обнаружено на фоне целого ряда симптомов: оно взрывает границы, влияет на форму отношений, а также – на Бытие Person и на соотношение с миром. Рассмотрим каждую из этих сфер в отдельности:

а) *Истерическая «проблема границ»*: истеричный человек не выносит ничего, что его стесняет. Границы всегда что-то заключают в себе. Быть таким образом заключённым и замкнутым для истеричного человека слишком угрожающе и неприятно (далее мы увидим, что это связано с центральной проблемой боли). Поэтому он обходит границы, не обращает на них внимания, позволяет себе такую вольность, не заботиться о них, при сопротивлении он их взрывает. Это делает истеричного человека креативным, открытым для нового, для чего-то другого, необычного, не повседневного, особенного, изысканного, выходящего за рамки привычного. Он охотно везде присутствует, но только не в *середине* тем и областей, только не в среднем – это делает его эксцентричным, нарушителем границ, он всегда на краю обычного, всегда там, где других нет, всегда в игре с границей (и также в «игре с огнём»), переход которой приносит такое облегчение и освобождение.

В этом переходе границы в истерическом поведении чередуются *льстить* и *давить* (см. рис.1). Льстивое поведение соответствует копинговому механизму типа *активизм* (использование средств проникновения за границы другого, также в том случае, если он этого не хочет, чтобы иметь возможность использовать его в своих целях). *Давить* соответствует копинговой реакции типа *агрессия* (устранить и элиминировать или отрицать стесняющие и

создающие препятствия границы, которые устанавливает или мог бы установить другой).

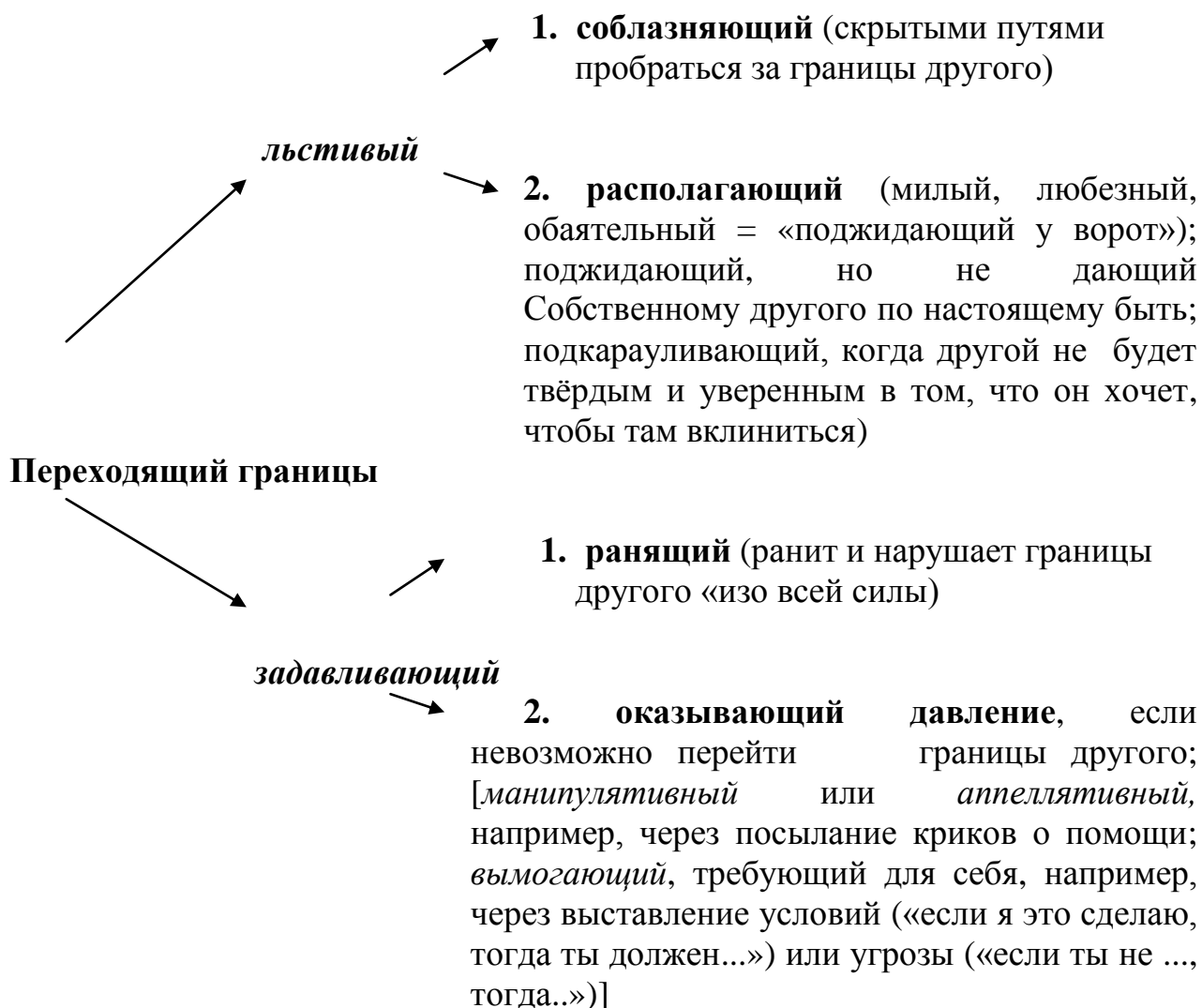


Рис. 1. Типичные формы перехода границ в истерии

При этом переходящем границы поведении Собственное также не может удерживаться и перед самим собой. Возникает *непереносимость критики* – ведь критика, с одной стороны, устанавливает границы, а с другой – в ней, всё-таки, идёт речь о некоем содержании, о «Собственном».

б) *Истерическое «крушение отношений»*: пуститься в них, закрепиться, признать факты, пойти на привязанность с её последствиями (верность, доверие, забота, быть Здесь, беспокоиться и т.д.), это для истеричного человека с его стремлением к свободе невозможно; он всегда удерживает себя от отношений, даже если он на короткое время может слишком в них «пуститься». «Noli me tangere – не прикасайся ко мне!» – это его установка; он идёт своим импульсивным путём, следуя соблазнам момента. Как же ему ещё поступать, ведь у него нет доступа к себе, нет линии, которой он может

следовать, кроме как искать Person, ища при этом свободу и внимание; таким образом, в отношениях он остаётся недостижимым (также, будучи отцом, матерью или партнёром), дарит больше внимания чужим людям и гостям, чем близким, последним остаются лишь функции.

Истеричный человек держится вдали от отношений, что также находит своё отражение и в *когнитивном*. К другим людям он всегда подходит *оценивающе*, сразу же создаёт для себя мнение обо всём и обо всех, что иногда отличается высокомерием и надменностью, содержит в себе всезнайство, а также может приводить к менторскому тону. В любом случае, суждение создаёт дистанцию, проводит границу, что относится к сущности суждения: проводить демаркационные линии. Выгода здесь двойная: не только безопасная дистанция по отношению к другим, ориентирование и достижение лёгкости в использовании другого благодаря ограничивающей оценке (он знает, что он хочет от него иметь, и как он должен с ним обходиться), но также и компенсация собственного дефицита границ и ограничений – компенсация снова через поверхностный подход, снова через использование других, снова в модусе «слишком много» у другого и «слишком мало у себя», и снова в модусе диссоциирования, категории «черное и белое». Однако такое суждение раскалывает группы и сообщества, носит в силу своей непостоянной, несерьёзной и функциональной манеры характер интриги, оппортунизма и произвола.

Таким образом, у истеричного человека хотя и есть, и всегда быстро возникают мнение, теория, система, объяснение, идея, и тем самым, *превосходство* в отношениях (как и во всем другом, помимо отношений), но у него нет точки зрения, – зато есть дистанция.

В отношениях истеричный человек имеет сходство с *бабочкой*. Пока бабочка сидит в клетке, ей хочется на свободу; когда хочешь её удержать, утрачивает цвет. Она захватывающая и привлекательная, но до неё нельзя дотрагиваться. Это судьба, которая всегда преследовала «*femme fatale*»: к ней не подойдёшь, но от неё и не уйдёшь. Остаётся только из-за неисполненности сгореть рядом с ней.

в) *Истерическая необязательность*: у него так много друзей, и всё-таки нет ни одного; он знает так много людей, и никого не знает по-настоящему; его отношения – это «воздействия», запутанности, манипуляции, эротические игры, они возбуждают любопытство, но ничего не говорят, они лёгкие и легкомысленные, далеки от мысли о последствиях, об ответственности, о будущем или о прошлом; воздушная одномоментность, парящая свобода.

г) *Истерическое одиночество*: отсутствие отношений и необязательность имеются также и по отношению к самому себе – отсутствует глубокое чувство; у него нет себя в качестве визави; когда то, что будоражит извне, проходит, остаётся лишь пустота; ему незнакома страсть, зато знакома эксцентричность, аффектация, активизм, эффе́кты; он не может черпать из

себя, потому что он – не у себя; он глубоко одинок, болезненно одинок. Рядом с ним нет никого в его одиночестве, там есть только Ничто, пустота; если бы он мог что-то выразить, то это была бы только пустота. Если бы у него не было другого, того к кому он может прицепиться, он бы погиб в бескрайности и холоде этой пустыни.

Я – только *мина*. Оно не пронизано персональным. Вместо эмоций имеет место аффект, вместо выражения – эффект, вместо отношений – манипуляция, вместо Бытия - видимость.

Так как жизнь не проживается персонально, то и не достигается *экзистенциальный уровень*, не происходят *Встреча* и обмен. В своём одиночестве и бесчувственности по отношению к самому себе он не способен вчувствоваться в других людей. Отсутствие у него сущности делает его слепым в отношении сущности других. Его жизнь в поверхностном делает для него видимым в другом только лишь поверхностное. Он не способен войти в положение других людей – он может только пленять их. Истеричный человек прижимается к миру с большой степенью гибкости и чутья – чтобы потом приспособить мир к своим потребностям.

6. Истерическое состояние аффекта и его психодинамика

При углублённом феноменологическом рассмотрении истерии в центре страдания обнаруживается сильная *боль*. Её можно считать мотором истерического развития. Благодаря ей возникают две защитные динамики. Для защиты Person и её Мочь-Экзистировать (Мочь-Быть-в-Мире) развивается *экзистенциальная динамика*, которая, в свою очередь, оказывает влияние на возникновение и сохранение боли. А для защиты витальности и соотношения с жизнью мобилизуется психодинамика [10]. Обе представляют собой в определённом смысле первую защиту от боли, не занимаясь, однако, её причиной. Это означает, что защитные реакции не обрабатывают главную проблему истерии: непреодолимую боль.

Так как психическое состояние боли продолжает удерживаться, защитные механизмы используются снова или задействуются постоянно. Таким образом, возникает *фиксация способа реакции*, что ведёт к сохранению симптомов и состояния страдания (в спрятанном виде).

Продолжающееся существование этой боли связано с большой *затратой сил*. Стресс в связи с удерживающимся в течение долгого времени чрезмерным требованием и потенциальной сверхвосприимчивостью ведёт к *трёх специфическим непереносимостям*, на которые страдающий истерией в аспекте чувств реагирует сверхчувствительно («аллергически»). Соприкосновение с непереносимостями сопровождается быстро возникающей *болью*, где в соответствии с каждой отдельной непереносимостью развивается специфический тип боли:

1. **стеснение/давление** → тип боли **мука** и **тягостное чувство**
2. **насилие** → тип боли **отвращение** и **ужас**

3. **быть покинутым** (одиночество) → тип боли **страдание**

Таким образом, аффективная память вырабатывает повышенную бдительность в отношении *последующих ранений*

из-за стеснения и давления,

из-за насилия и

из-за одиночества.

Из-за того, что чувство боли остаётся, ситуации стеснённости, давления, насилия или угрозы одиночества возникают внезапно и рефлекторно, т.е. без участия воли и решения, как реакции для защиты Person от дальнейших ранений. Сохранённый в аффективной памяти опыт вызывает – также в аспекте защиты – **страхи** перед **стеснением/давлением**, насилием и одиночеством. При этом речь идёт о страхах, которые являются **специфическими для истерии**.

Рассмотрим подробнее, как возникает это страдание в связи со стеснением/давлением, насилием и одиночеством.

к 1) Стеснение/давление, вызывающие муку и тягостное чувство:

Как внешние ситуации, так и внутренние процессы могут загнать Person «в тупик». *Внешними* стесняющими факторами могут быть социальные, экономические и прочие жизненные обстоятельства. Сюда, например, относятся: нахождение на низкой социальной ступени (меньшинства, гастарбайтер, тюремное заключение, традиционная роль женщины, уость деревенской среды, давление единообразия в группах); сексуальные ожидания; функции и роли, которые исполняются; закрепление со стороны других («ты – такой»); тайны и табу (темы, которые витают в воздухе, но о которых нельзя говорить).

Изнутри стеснение и давление могут, например, возникать из-за претензий к самому себе, из-за пережитой несостоятельности (слабости) или из-за напряжения, связанного с инстинктами (сексуальность!), давлению которых трудно или невозможно противостоять. Под воздействием внутреннего, не акцептированного давления (претензии!) быстро возникает тягостное чувство. Стеснение возникает также, если человек не признаётся самому себе в собственном неправильном поведении, когда «нет пути назад», потому что тогда можно потерять лицо. Это может иметь место при нахождении человека в группе, в связи с высказываниями и утверждениями, или, в ещё более широком аспекте, если, например, человек успешно занимается профессией, которую он лично рассматривает для себя как «неправильную».

Прежде всего, стеснённость возникает из-за *Не-Мочь-ладить-с-самим-собой*. Это всегда бывает в тех случаях, когда слабость, неуверенность или какая-то собственная особенность должны быть спрятаны от постороннего взгляда, потому что человек не хочет в них признаваться, или же они ему не

нравится. Любая попытка вытеснения, предотвращения или избегания того, что имеется, вызывает внутреннее давление. Желание спрятать нервозность, возникающую при выступлении в группе: во время выступления с докладом делать вид, что её нет, потому что «она не имеет право быть» и потому что сам не можешь быть перед собственным приговором (из-за страха утратить самооценку, уважение). Это вызывает страх и внутреннее стеснение, внутреннее давление. Или же страх мужчины перед женщинами (и наоборот) и перед чувствами и желаниями в отношениях вызывают стеснение, которое в народе обозначается словом «зажатый».

Другая форма Не-Мочь-ладить-с-самим-собой – *незрелость в принятии решений*: не мочь определиться; не хотеть привязываться, потому что решение может быть неправильным (что вполне понятно, потому что истеричный человек на самом деле себя по-настоящему не знает, и, поэтому, собственно говоря, не знает, чего он хочет). Тогда необходимость принимать решения вызывает особенно сильное давление и загоняет в тупик, что типичным образом ведёт к откладыванию принятия решений на последний момент.

В качестве *противодействующих реакций* на стеснённость возникают *копинговые реакции*, характерные для этой картины расстройства: уход на дистанцию, активизм (попытка скрыть, переключиться на Делать), раздражение и гнев как формы агрессии, рефлекс мнимой смерти (прятаться, одевать маску, притворяться). Сильное давление может привести к известному истерическому припадку. Человек субъективно чувствует себя словно «изнасилованным», переполненным болью³.

Типичное *тягостное чувство*⁴ возникает, когда стесненность/давление связаны с самооценкой и стыдом. Если, например, человек изо всех сил пытается скрыть что-то, что субъективно расценивается как слабость, то ему тягостно об этом говорить или быть за этим «застигнутым».

к 2) Переживания в связи с насилием, которые вызывают чувства отвращения и ужаса:

Чувства отвращения и ужаса возникают в связи с *нарушением персональной границы*, в связи с тем, что другие *обходят вниманием Собственное*, в связи со *злоупотреблением*, использованием, *изнасилованием*. Часто эти травматизации обнаруживаются в сфере *сексуальности*. Чувства ужаса и отвращения особенно сильны после сексуального злоупотребления из-за интенсивного нарушения интимности.

³ Фрейд видел в истерических припадках «ни что иное» как «фантазии, изображённые в виде пантомимы» [4]. Истерический припадок «является заменой прежде практиковавшегося и затем оставленного *аутоэротического* удовлетворения» (там же, стр.201), «является эквивалентом коитуса» (там же, стр.203).

⁴ Тягостное чувство – это понятие, обозначающее сильную, удерживающуюся боль, состояние, которое «терзает» человека и переживается как «мучительное». Это слово в немецком языке заимствовано от среднелатинского «репа» – штраф в аду, и происходит от латинского «роена», греческого «роіне» – покаяние, штраф [7].

Однако наличие сексуального элемента не является необходимым для возникновения истеризирующей травмы⁵. Мы обнаруживали также и «несексуальные изнасилования» чувств, близости, интимности и независимости. Например, удерживание в объятиях, которых не хочешь, может переживаться как «ужасное», даже если речь не идёт о сексуальности. Например, будучи ребёнком, можно чувствовать себя в объятиях взрослого «отданным на растерзание». Это усугубляется, если для взрослого речь идёт не о благополучии ребёнка, а об удовлетворении собственных потребностей в близости (в отношении чего дети уже в раннем возрасте 1-2-х лет могут быть чувствительны).

Связанные с такими переживаниями чувства часто обозначаются *серым* цветом и производными от этого словами. Воспоминания об этих переживаниях «серые», безжизненные, бесцветные, без эмоций. В этой связи вырисовываются такие чувства, как «ужасно», «страшно». При мысли о случившемся охватывает ужас. Это «мучающее», «бесцеремонное» в акте нарушения границ, в том, что было обойдено Собственное, интимное ощущается как «жестокое». Человек испытывает ужас из-за беспощадного доминирования Чужого в Собственном, в самой глубине, из-за того, что он должен переживать что-то, что не согласовано с его собственной Person и её волей. «Ужас» – это ещё одно имя «отвращения», типичного чувства, сопровождающего нарушение персональной границы.

к 3) Быть покинутым и одиночество, вызывающие страдание:

Также и в случае Быть-Покинутым можно найти *внешние* и *внутренние* корни.

Что касается внешнего Быть-Покинутым, многие пациенты в самой болезненной форме переживали Быть-Покинутым и Быть-оставленным в одиночестве *другими людьми* и не смогли с этим справиться: родителями (особенно болезненно переживается Быть-оставленным матерью и её теплом) и другими контактными лицами; это физическое Быть-покинутым; душевное Быть-оставленным в одиночестве и Быть отданным; это недостаточное персональное участие в форме отсутствия защиты ребёнка от других лиц (например, от учителей). В особенности отсутствие тёплых и нежных отношений с матерью может вызвать длительную и чрезвычайно болезненную тоску, которая будет снова и снова мучительно ощущаться в течение многих лет и десятилетий, особенно если возникнет опасность, что человек снова будет покинут или, если будет переживаться реальное Быть-Оставленным.

Ставрос Ментос (Stavros Mentzos) писал⁶, что чувства Бытия-Покинутым и одиночества в ответ на чрезмерное давление вызывали у участников антарктических экспедиций истерические реакции.

⁵ Далее Фрейд [3]: «Итак, я выдвигаю утверждение, что в основе каждого случая истерии находятся (...) *одно или несколько событий из прошлого сексуального опыта*, относящихся к ранней юности».

⁶ Доклад на конгрессе, посвящённом истерии, в Праге 26 апреля 1999 года.

Переживание *внутреннего Бытия-Покинутым* возникает практически постоянно и неизбежно из-за собственных *действий и установок* как следствие *«истерического поверхностного подхода»* и *отсутствия середины*. Действия и решения совершаются «под сторонним воздействием» *страха* перед отвержением, наказанием или потерей лица, «под сторонним воздействием» *тщеславия* и неуёмного желания признания, или «под сторонним воздействием» *желаний*, которые идут не из персональной середины, а от истерического стремления «быть больше, чем ты есть». А также они совершаются под воздействием *голода в отношениях* и *избегания*. Желания заменяют отсутствующую аутентичную волю. Желая, человек не знает, что, он, собственно говоря, хочет и копирует то, что утверждают или считают ценным другие. Замена собственной воли желаниями делает истеричного человека восприимчивым также и к желаниям других (что частично объясняет их внушаемость). Из-за этого истеричный человек становится ещё более одиноким и покинутым самим собой. То же самое касается отсутствия доступа к собственной эмоциональности. Поэтому имеется высокая степень восприимчивости к внешним воздействиям (способность воодушевляться) и недостаточная внутренне закреплённая моральность (сниженная и отсутствующая совесть – раньше это расстройство называли «moral insane» («моральное помешательство»)).

Страх перед Быть-Оставленным – это, прежде всего, тема детского и пожилого возраста⁷.

6. Психопатология и психопатогенез

Истерическое страдание может рассматриваться как комбинация *поверхностного подхода, бесчувственности и внутренней пустоты*, которые соотносятся, взаимодействуя друг с другом. Через фиксирование и сцепление этих копированных реакций возникает ядро психопатологии. Оно образует три группы симптомов на уровне поведения. Следующий рисунок (рис. 2) даёт обзор различных уровней истерической психопатологии и психопатогенеза, и показывает, как они отражаются в экзистенциальноаналитическом способе действия:

⁷ Следовало бы провести исследования, чтобы выяснить, имеются ли здесь различия в связи с полом. Вероятно, что женщины скорее рассчитывают на то, что будут оставлены, чем мужчины. Но, вероятно, они также лучше научились выдерживать одиночество.

ИСТЕРИЯ - психопатология , психопатогенез





Рис. 2. Обзор истерической психопатологии и психопатогенеза с точки зрения экзистенциального анализа.

Схема отображает связь групп симптомов со специфической психопатологией, её психодинамикой и экзистенциальной динамикой.

В ходе феноменологического анализа в основе истерического страдания обнаруживается отсутствие **Быть-Увиденным** или **Мочь-видеть-самого-себя** в том, из чего состоит собственное Я. Это переживание связано с болью, которая становится мотором всего процесса. Благодаря защитным реакциям боль «анестезируется», что происходит, однако, за счёт утраты доступа к самому себе и к другим людям.

Истерическое страдание связано со специфическими способами переживания и реакциями, которые, как мы уже видели, сенсibilизированы в отношении стеснённости/давления, боязни/обиды, одиночества/покинутости. Здесь, чтобы предотвратить дальнейшую боль и дальнейшее ранение, начинает целенаправленно действовать психодинамика.

При феноменологическом подходе в процессе психотерапии постоянно обнаруживается стоящий за истерическим страданием мотор: состояние глубокой ранености (обиженности), *большая боль*, которую пациент, чаще всего не осознаёт и не чувствует. Она ощущается как угрожающая сохранению экзистенции в такой степени, что, благодаря различным механизмам, напластовывается, отщепляется или через утрату близости и отношений с самим собой удерживается в бесчувственности («психической анестезии»). Благодаря этому страдание, хотя и легче переносится, но происходит это за счёт напряжения и значительных потерь в отношениях с самим собой и другими.

В возникновении истерии участвуют не только психодинамические процессы. Ядром и содержанием истерии является повреждение *экзистенциального осуществления Самости*. «Не реализовать себя как Person» и «не мочь вносить себя в мир» – это представляет для человека в связи с его жизненным проектом настолько большую угрозу, что бразды правления берёт в свои руки психодинамика, чтобы обеспечить психически-духовное выживание [10]. Психодинамика находится, таким образом, во взаимодействии с *экзистенциальной динамикой*. В этом процессе

экзистенциальная динамика представляет собой *содержание*, а психодинамика – *витального носителя*. На основании взаимодействия этих двух динамик в феноменологическом видении возникает картина болезни с её специфическими симптомами.

Благодаря пониманию экзистенциальной динамики, расширяется понимание истерии, и создаётся лучшая основа для лечения.

7. Психопатогенез на экзистенциальном уровне

На экзистенциальном уровне истерия как расстройство *становления Person* вызвана неуважением Person другими и/или самим собой. Person «утрачивает себя» или не находит соответствующего *чувства Себя* и *картины Себя*. Именно это и переживается человеком в истерическом страдании как *боль*. Из-за экзистенциальной угрозы, которую представляет собой для человека данный дефицит, как следствие, начинают действовать уже описанные выше копинговые реакции с типичными состояниями чувств.

Ниже приведена подборка шести персональных способностей, которые при истерии нарушены, и поэтому воздействуют психопатогенетически. Таким образом, это описание представляет собой *психопатогенез истерии на экзистенциальном уровне*. Сначала даётся краткое описание, затем схема. Рекомендуются при чтении отдельных разделов вернуться к обзору.

Первые три из шести перечисленных аспектов Бытия Person касаются Мочь-Быть здесь в реальности истерического страдания и его возникновения. Все три аспекта группируются вокруг стеснённости и давления как центральной психодинамической сенсibilизации (на рис. 2 им соответствует левая колонка).

На экзистенциальном уровне первым аспектом, обращающим на себя внимание в истерическом переживании и поведении, является то, что Person выпала из своей *середины* или не может удерживать свою середину. Она для себя «отсутствует», она не «при-сутствует», она утратилась, живёт «вдали от я» на границе с другим.

Второй аспект Бытия Person, который из-за стеснённости и давления не задействуется в достаточной степени (или, наоборот, который из-за недостаточной развитости ведёт к стеснённости и давлению и запускает психодинамику), – это отсутствующее *занятие позиции*. У Person не получается (преимущественно из-за страха) занять позицию по отношению к себе, что обычно происходит в форме внутренней беседы. Внутреннее занятие позиции по отношению к самой себе и к тому, как ты себя ведёшь, придаёт Person прочность, «внутреннюю обоснованность», укрепляет ее самооценку. Отсутствие признания и видения самого себя переходит в стремление быть в центре внимания и в поиск признания.

Третий аспект Бытия Person – это способность *Стоять-За-Себя* и *Отграничивать-Себя* от того, что в аспекте самокритики рассматривается как

неподходящее. Это также делает возможным отграничение от других. Если эта внутренняя активность отсутствует, то у всего имеется доступ к собственному Я, и это может привести его к стеснённости: как под воздействием других людей, так и самого человека с его желаниями и потребностями. Таким образом, может возникнуть давление в поле напряжения между (аутентичным) Я и не отодвинутым на дистанцию «Другим».

Следующий аспект Бытия Person касается преимущественно области чувств и отношений. Person в своей ранимости сенсibilизирована в отношении *насилия*. Стрaдание происходит из отношений (на рис. 2 – средняя колонка). Разрушительные и ранящие внешние отношения, заблокированное чувство и нагружающие чувства, отсутствие уважительного внимания к таким персональным ценностям, как стыд, достоинство, автономия, самооценностъ, раненое и продолжающее постоянно ранить обхождение с самим собой ведут к *дезинтеграции внутренних отношений*, к Не-Мочь-Вынести *собственную близостъ*. В психическом аспекте эта раненая близостъ с ранеными чувствами переживается как нечто ужасное (это очень точно описано в «Фаусте», когда Гретхен в своей беде способна лишь пролепетать: «Ты, Генрих, страшен мне!!»). Отравление близостъю вызывает *отвращение*.

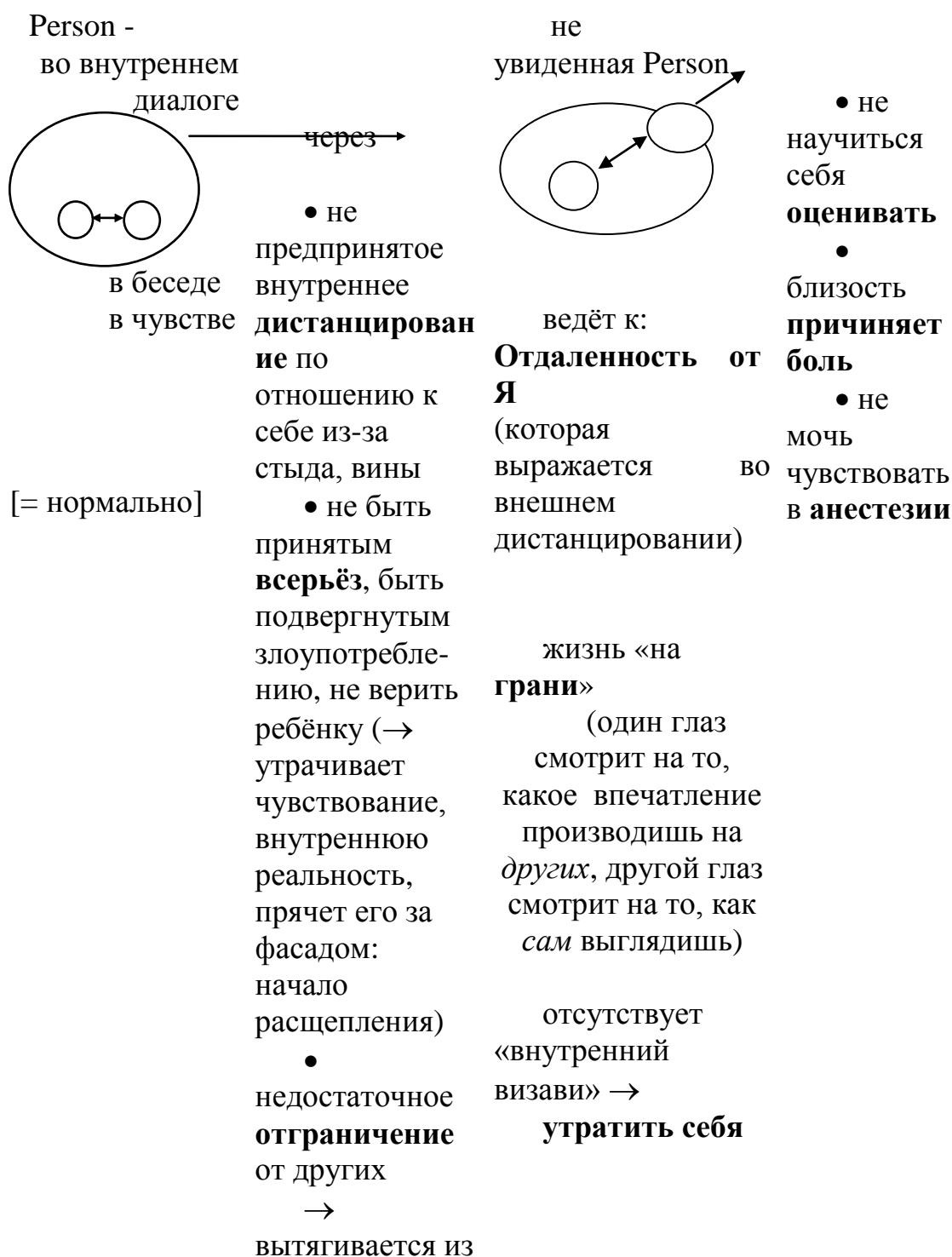
Два последних пункта описывают свойства Person, которые, преимущественно, связаны с Бытием собой. В истерическом страдании они связаны с одиночеством и покинутостъю, а также с внутренней пустотой (см. рис. 2, правая колонка). Такие чувства возникают, если Person не находит *Собственное*, и не может привнести его в мир (что соответствует экзистенциальному уровню). Тогда человек начинает жить другими, и из-за утраты себя он не способен к Встрече. Ему не хватает эмпатического чутъя, как в отношении себя, так и в отношении других, открытого видения себя через очки других, а также критической саморефлексии. Пустота вызывает недовольство, он чувствует себя потерянным, внушаемым и т.д.

Далее даётся обзор персональных процессов, которые в истерии задействуются не полностью. В краткой форме они уже приведены на рис.2.

Психопатогенез истерии на экзистенциальном уровне (обобщение)

1) Person как чувствование в диалоге с собой:

Из-за неспособности удерживать **близость** к себе середина ощущается как «ужас». Он себя не «имеет», он сам себя утрачивает, не идёт к себе навстречу, и другие его в этом не видят. Схематично это представлено на рис. 3.



собственной
 середины,
 потому что
 больше
 находится
 рядом с
 другими

Рис. 3. Схематичное изображение отсутствия Прихода-в-Середину в истерии из-за Не-быть увиденным другими, что ведёт к «Отдалённости от Я», к пребыванию на грани, к утрате себя

Способы переживания и поведения:

→ поверхность, бесчувственность, внутренняя пустота, дистанцированность, диссоциативные телесные расстройства

2) *Person как «встать напротив себя и оценить себя»*

Неосуществление **занятия позиции** по отношению к себе ведёт к отсутствию настоящего признания своей ценности

→ стремление к тому, чтобы быть в центре внимания, как борьба за признание, подтверждение, похвалу и к тому, чтобы там получить ответ, который сам себе не можешь дать

3) *Person как «Соотноситься с Собственным, отграничиваться от других и вступаться за себя»:*

Отсутствующее проведение **границ**, не соблюдение их

→ беззащитность, чрезмерные требования, преувеличение в действиях, стеснённость, давление

4) *Person как ранимость в интимности и целостности:*

Ранения, не интегрированные **боли** и нарушения границ стыда, достоинства, автономии, обойдённость ведут к впаданию в крайности, как схематично показано на рис. 4.

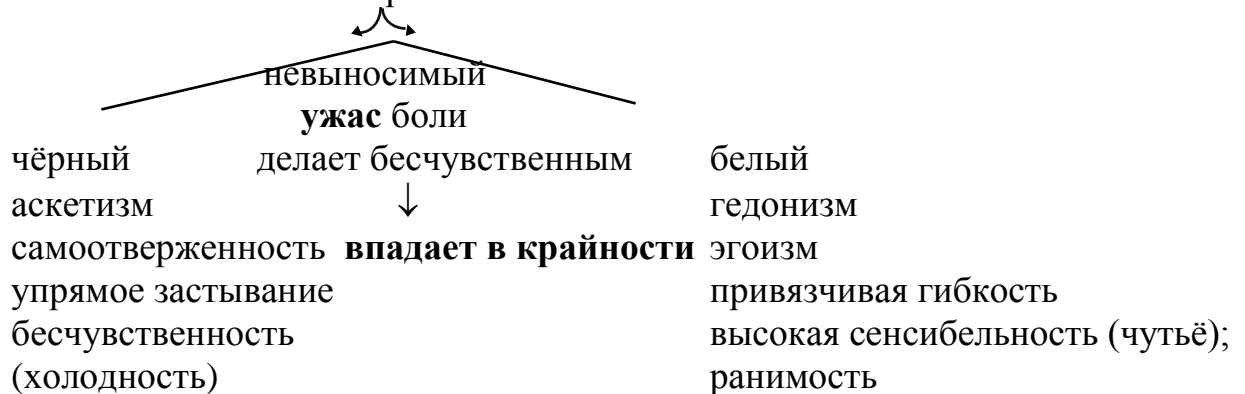


Рис. 4. Схематичное изображение ухода в крайности из-за не интегрированной боли. Из-за возникающей в этой связи

сверхсенсительности истерический пациент при переработке информации, в переживании, в поведении впадет в крайности.

→ сенсбилизация в отношении *насилия* (причиняет сильную боль и почти непереносимо, также, если только смотреть на это).

Кроме того, сохраняется *бесчувственность* в отношении самого себя, потому что жизнь проживается только в *крайностях* и не может удерживаться в собственной середине.

Однако если истеричная Person наталкивается на близость к своей «ужасной» середине, возникает чувствительность, затем отвращение.

5) *Person как изначальность в Собственном (совесть):*

Собственное не обнаруживается /выражается/проживается → не придерживаться Собственного. Бытие самим Собой стирается, когда живёшь «из другого».

Смысл интимности - её тайна, её интенция – произвести взаимный обмен и быть подаренным в глубине персональной встречи, что бережно обёрнуто в стыд (например, интимность сексуальности). При отсутствии этого →

внутреннее одиночество, пустота, внушаемость, наивность (Бытие Собой не отдаётся жизни, и остаётся по-детски неопытным). Вместо воли - желание.

б) *Person как социальное существо:*

Не удавшееся Заниматься другим, **социумом**, отсутствие настоящих встреч

→ покинутость, одиночество с такими реакциями, как манипуляция (игра), оказывать давление, шантажировать или соблазнять, проверять отношения; эгоцентрика; страх перед тем, что не будешь увиден.

8. **Способности истеричного человека**

Описанная в начале личность с тенденциями к истерическому и сенсбилизация в отношении относящихся к истерии тем и аспектов жизни (стеснённость, давление, насилие, одиночество), а также базовая тема Не-Быть-Увиденным в настоящем и в прошлом связаны с особыми способностями, представляющими ценность, как для отдельного человека, так и для общества. Так как картина истерии очень часто ощущается как стигма, и реакция общества - Не-Принимать-Всерьёз. В заключение следует специально подчеркнуть специфическую способность и тонкость этого человека.

Истерик оказывает особое воздействие, он - приятный, милый, обладает шармом, живой, может быть обаятельным. Если видеть в нем что-то

брызжущее, будоражащее, разнообразное, наполненное идеями, переменчивое, это оживляет, освежает и освобождает. В крайней форме это может переживаться как захватывающее дух и оглушающее, как остроумное, развлекающее и изобретательное. Он легко идёт на контакт, общителен, умеет хорошо себя преподнести, выдаёт себя за того, с кем «легко», как он сам часто о себе говорит (т.е. несложный, с ним не возникает проблем).

В своём поведении истерик гибок, изворотлив, умел, многое может, быстро включается, предупредителен, поэтому часто готов помочь. Истеричные люди - универсалы, точнее говоря, они считают себя способными на всё, участвуют во всех разговорах (но в этом они дилетанты, потому что они везде чувствуют себя как дома, и поэтому нигде не находятся по-настоящему). Богатство идей может давать импульсы, рождать инициативы. Здесь имеется креативность, развитое эстетическое чувство, чувство формы (это касается внешнего – мастер по упаковке!). Благодаря этим креативным способностям, люди с истерическими чертами могут организовывать других (и в наименьшей степени – самих себя), управлять ими. Они способны делать прогнозы, схватывают системное, очень рано замечают, какой оборот примет дело – что является важным в некоторых профессиях (модельер!). Благодаря своему чутью, они узнают о другом (также о терапевте!) быстрее и больше, чем о себе.

Истерическая доля в людях сочетается с *формирующей волей к креативности*, это «чующая» черта человека, инновативная, креативная, изменчивая.

Конечно, с усилением расстройства эти черты искажаются и в тяжелых случаях уже больше не могут применяться со смыслом и пользой.

Таким образом, истерия оказывается развившейся способностью человека на большой дистанции от себя удерживать непреодоленную боль, чтобы нежный, чувствительный полюс Person не подвергался дальнейшему повреждению. При этом в действие приводятся способности, которые, в принципе, представляют собой большую силу для формирования жизни, которые полны жизни и духа. Это освобождающая способность Бытия Человеком, которая пытается переиграть другой полюс экзистенции, стесненность, боль и ранения. Если проявляющуюся таким образом беду воспринимать как послание, Встречать, понимая ее именно так, и в то же время оставаться центрированным в самом себе, то это может освободить истеричных людей от их страдания.

Перевод О.Ларченко.

Научная редакция А.Баранников

Д.Баранникова

1. . Лэнгле А. Фундаментальные мотивации человеческой экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии//Психотерапия. - М. 2004.-С.41-48.

2.Benesch H. Wörterbuch zur Klinischen Psychologie. München: Kösel, Bd. 1, 1981.

3. Freud S. Zur Ätiologie der Hysterie. In: Studienausgabe Bd. VI. Frankfurt/M: Fischer, 1986, 51-81.
4. Freud S. Allgemeines über den hysterischen Anfall. In: Studienausgabe Bd. VI. Frankfurt/M: Fischer, 1909, 197-203.
5. Kapfhammer H.P. Dissoziative Störungen und Konversionsstörungen. In: Helmchen H, Henn F, Lauter H, Sartorius N (Hrsg) Erlebens- und Verhaltensstörungen, Abhängigkeit und Suizid. Psychiatrie der Gegenwart, Bd 6. Berlin: Springer, 4. Aufl, 2000, 149-186.
6. ICD-10 Internationale Klassifikation psychischer Störungen, Kapitel V (F). Bern: Huber, 1991.
7. Kluge F Etymologisches Wörterbuch. Berlin: de Gruyter, 1975.
8. Jaspers K Allgemeine Psychopathologie. Berlin: Springer, 1973.
9. Längle A (1993) Glossar zu den Emotionsbegriffen, In: Längle A (Hrsg) Wertbegegnung. Phänomene und methodische Zugänge. Tagungsbericht der GLE 7, 1+2. Wien: GLE-Verlag, 1993, 161-173.
10. Längle A. Verständnis und Therapie der Psychodynamik in der Existenzanalyse. In: Existenzanalyse 15, 1, 1998, 16-27.
11. Längle A. Die existenzielle Motivation der Person. In: Existenzanalyse 16, 3, 1999, 18-29.
12. Längle A. Hysterie. Wien: Facultas, 2002a.
13. Längle A. Das Selbst als Prädilektionsstelle von Dissoziation und Spaltung. In: Längle A (Hrsg) Hysterie. Wien: Facultas, 2002b, 157-176.
14. Längle A. Die Grundmotivationen menschlicher Existenz als Wirkstruktur existenzanalytischer Psychotherapie. In: Fundamenta Psychiatrica 16, 1, 2002c, 1-8.
15. Mentzos S. Hysterie. Zur Psychodynamik unbewußter Inszenierungen. Frankfurt/M: Fischer, 1997.
16. Mentzos S. (2002) Unser Verständnis der Phänomenologie und Psychodynamik der Hysterie am Ende des 20. Jahrhunderts In: Längle A (Hrsg) Hysterie. Wien: Facultas, 2002d, 23-34.
17. Michel E. Zur anthropologischen Deutung der Hysterie. In: Sborowitz A (Hrsg) Der leidende Mensch. Personale Psychotherapie in anthropologischer Sicht. Darmstadt: Wiss. Buchgemeinschaft, 1979, 310-326.
18. Tutsch L. Alles (k)ein Problem - Praxis, Theorie und Therapie der histrionischen Persönlichkeitsstörung. In: Längle A (Hrsg) Hysterie. Wien: Facultas, 2002, 59-84

Адрес автора:

Dr.med.Dr.phil. Alfried Längle

Ed. Sueß-Gasse 10

A-1150 Wien

alfried.laengle@existenzanalyse.org

Hysteria

psychopathology, psychopathogenesis and dynamic

Attempt of rehabilitation of concept on the basis of the

existential dynamic and psychodynamic

Alfried Laengle Dr.med.Dr.phil. President of GLE-International. Professor of Universities of Vienna and Innsbruck

Abstract:

Phenomenological analysis of the hysteric disorders show a constant structure which is centred dynamically around a typical mode of processing and thematically around the suffering from a lacking self-disclosure respectively a loss of identity grounded in one's own feelings. The use of a

consistent concept of hysteria therefore turns out to be helpful for the psychotherapeutic work. The consistency of this structure derives from a strong sensation of pain due to a state of alienation and/or inability to face oneself. The pain not being processed and integrated produces an anaesthesia thus forming the central dynamics in the emergence of hysteric disorders. This repressed pain leads to a specific sensitiveness for narrowness, the use of force and loneliness producing in turn defensive reactions of the distancing type, attained by exteriorisation, numbness and avoidance of interiority (inner void). This psychodynamic development has a parallel in an insufficient unfolding of personhood and existentiality. Both structural moments are conditioning alternately. On this background the symptoms of hysterical experiencing and behaving become more understandable and accessible within a greater (existential) horizon of being oneself and being in the world.

Keywords: Hysteria, diagnosis, psychopathology, psychodynamics, existential dynamics